

СЕКЦІЯ
ГЕРМАНІСТИКА ТА СЛАВІСТИКА: КОНТРАСТИВНИЙ ТА ПЕРЕКЛАДАЦЬКИЙ НАПРЯМИ

УДК 81'374+81'373.21+81'371

Канна В. Ю.

к.філол.н, доцент кафедри теорії та практики перекладу

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СОБСТВЕННОЕ ИМЯ КАК ОСОБУЮ
КАТЕГОРИЮ

Вынесенная в заглавие подраздела проблема ещё долго будет волновать умы всех лингвистов, но особенно актуальной она остается на протяжении всего времени существования ономастики как науки для ученых-ономатологов. И это не случайно. В «Общей теории имени собственного» А. В. Суперанская осветила взгляды ученых на статус собственного имени в языке, начиная со времен античности. Более или менее подробно представив филологическую деятельность Платона, Аристотеля, Хрисиппа, Дионисия Фракийского и др. исследовательница сформулировала основной вывод, касающийся взглядов античных философов на имя следующим образом: «Греческие ученые обычно не делали существенной разницы между именами нарицательными и собственными, оперируя нерасчлененной категорией *имя*» [5, с. 49].

Достаточно подробно А. В. Суперанская рассмотрела взгляды ученых нового времени. Так, было отмечено, что Томас Гоббс, прибегнув к дихотомической классификации, разделил обозначаемые именем явления на *не-тело* и *тело*; тело, в свою очередь, – на *неодушевленное* и *одушевленное*; одушевленное тело – на *не-животное* и *животное*; животное на *не-человек* и *человек*; наконец, группу «человек» на *не-Петр* и *Петр* [5], придя, таким образом, к собственным именам. Важно отметить, что Гоббс подчеркивал: таким образом мы познаем имена, а не вещи.

Создатель логических основ лингвистики, преемник идей Гоббса, Лейбниц ввел разграничение для всех имен на общие и собственные: «Так как нам часто необходимо упоминать некоторых индивидов, в особенности человеческого рода, мы пользуемся собственными именами, даваемыми также странам, городам, горам и другим различиям места» [5, с. 52].

Значителен вклад Джона Стюарта Милля (1806-1873) в изучение специфики собственных имен. А. В. Суперанская указала, что многие современные теоретические работы в области ономастики прямо или косвенно связаны с идеями этого английского логика. Для нас важно то, что именно Миллю принадлежит термин *denotation* (1843 г.) как обозначение множества объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т.д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения). Кроме понятия денотации, Дж. С. Милль ввел и понятие коннотации (ср.-лат. *connotatio*, от *connoto* – имею дополнительное значение). Дж. С. Милль противопоставил коннотацию как понятийную сущность (интенционал) денотации как экстенционалу [1]. В трудах Дж. С. Милля выкристаллизовалась теория, согласно которой имя есть произвольное слово, служащее меткой и лишенное значения. Можно сказать, какому индивиду принадлежит метка, но ничего не можем сказать о нем. Дж. С. Милля принято считать родоначальником теорий асемантической собственности имени.

Другой английский логик Х. Джозеф, занимавшийся проблемой классификации имен, считал, что собственные имена гораздо более информативны, чем нарицательные. А. В. Суперанская приводит следующее высказывание ученого: «Собственное имя – это метка, направляющая нашу мысль на индивид. Но то, что является меткой, должно иметь значение. <...> Так же значима метка (шрам), по которой няня узнала Одиссея» [5, с. 58]. На основании отождествления метки-шрама и метки-имени Джозеф делал вывод о том, что собственное имя «значит». Сопоставляя фразы «*Человек за бортом!*» и «*Паликур за бортом!*», он доказывал, что собственное имя имеет даже больше значения, чем нарицательное. Еще одним важным вкладом Джозефа в теорию имени было дальнейшее развитие учения о денотации и коннотации.

Можно было бы ограничиться представлением этих двух полярных точек зрения на семантику собственного имени, однако далеко не все ученые принимали одну из них за сущность и семантику собственного имени. Были и такие, которые занимали двойственную или не до конца определенную позицию. Так, внимание А. В. Суперанской привлек еще один английский логик – Бертран Рассел (1872 – 1970). Однако привлек именно противоречиями в трактовке имени собственного. Рассел считал, что имена собственные будут бессмысленными, если не существует объект, именем которого они служат. Поэтому *Сократ* для Рассела имя, а *Гамлет* – не имя. Высказывание типа «*Гамлет* – имя» для него ложно, а истинным было бы утверждение: «*Гамлет* – слово, которым Шекспир назвал принца Дании». В этих высказываниях Рассела, так же, как и в примере с *Цезарем*, «которого он определяет как последовательность событий, каждое из которых было полным мгновенным опытом», по мнению А. В. Суперанской, наблюдается смешение имени собственного и объекта, который этим именем обозначается: «Здесь имя как лингвистическая категория подменено комплексом сведений о денотате» [5,

с. 65]. Еще одно высказывание Рассела вызывает возражения автора «Общей теории имени собственного». Говоря, что логика не занимается именами, а лишь переменными величинами, Б. Рассел утверждал, что «собственные имена — это постоянные, являющиеся значениями переменных низшего типа». А. В. Суперанская, исходя из взглядов Милля, справедливо возражала этой точке зрения: «собственные имена не могут быть значениями нарицательных. Наоборот, значение собственных имен раскрывается с помощью нарицательных. Если же при этом имеются в виду имена объектов со всемирной известностью (*Монблан, Наполеон*), которые могут рассматриваться как некоторая сумма общеизвестных признаков, то в этом случае не собственное имя, а представление о данном конкретном объекте оказывается суммой переменных низшего порядка» [5, с. 63].

То, что ученым, стремившимся в дефиниции отразить существенные черты имени собственного, это не удалось, неудивительно. Достаточно вспомнить о том, что до сих пор пишутся диссертации, в которых ученые стремятся дать определение целому ряду фундаментальных понятий. До сих пор, ведь, обсуждается содержание термина «слово», а многие ученые заняты поиском других понятий, отражающих существенные стороны такого, например, процесса, как номинация.

А. В. Суперанская в результате всестороннего анализа различных как по времени возникновения, так и по существу представлений взглядов ученых сделала вывод, что «отсутствие единой общепринятой концепции имени собственного во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях» [5, с. 88]. Однако сравнение различных взглядов позволило ей выявить три группы «попарно противоположных теорий».

В первой паре, с одной стороны, оказались теории, согласно которым собственные имена являются асемантизированной категорией (Дж. Ст. Милль и др.), а с другой, противоположной, теории, в которых доказывалось, что собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные (стоики, Диомед, Г. Суит, Й. О. Есперсен, М. Ж. Бреаль и др.).

Вторую пару взаимно противоположных теорий составили, с одной стороны, представления об исключительной индивидуальности имен (стоики, Дионисий Фракийский, Диомед, Э. Донат, грамматики Пор-Рояля, Г. Суит), а с другой — представлением о том, что все собственные имена — синонимы (К. Тоггебу).

Третья пара противоположных теорий составляется на основе антинимии мотивированность/произвольность собственного имени. Группу ученых, поддерживающих теорию произвольности собственных имен представляют Й. О. Есперсен, Кристоферсен, А. Х. Гардинер. Теорию строгой мотивированности, восходящую к греческой «по природе», поддерживает большое количество ученых XX века, противопоставляющих себя теоретикам «произвольности».

Как это ни парадоксально, но, чем больше точек зрения на семантику собственного имени узнаешь, тем сложнее становится сделать выбор, принять какую-либо из них как «наиболее оптимальную» для данного случая. Многообразие точек зрения на собственное имя как категорию связано с тем, что не совпадают исходные положения ученых, отсутствует единое мнение о собственном имени как феномене мышления и языка.

Литература

1. Говердовский В. И. История понятия коннотации / В. И. Говердовский // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1979. — № 2. — С. 82–86.
2. Ирисханова К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе (английский язык) : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук / К. М. Ирисханова. — М., 1978. — 20 с.
3. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — М.: Наука, 1965. — 177 с.
4. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д. И. Руденко. — Харьков : Основа, 1990. — 299 с.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 461 с.

УДК 378.016:811.111

Панова Я. Є.

старший викладач кафедри теорії та практики перекладу

РОЛЬ АВТЕНТИЧНИХ МАТЕРІАЛІВ У НАВЧАННІ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

В умовах сучасного суспільства, все більш актуальним стає вивчення іноземних мов, найбільш популярною серед яких залишається англійська. Перед викладачем стоїть низка завдань, головним серед яких є навчити учнів вільно розмовляти, не відчуючи мовного бар'єру. Досвід показує, що це найважче завдання. Навчити граматиці чи змусити вивчити лексику значно простіше, ніж спонукати учня розмовляти та використовувати набуті знання на практиці не вагаючись, навіть роблячи помилки. З нашої точки зору, найкращими помічниками в цьому випадку можуть бути правильно підібрані автентичні матеріали. По-перше, це викликає зацікавленість, по-друге, це саме те, що використовують носії мови, тобто жива та